

О понятии «геноцид» в современной западной историографии

Леннарт Самуэльсон

On the «genocide» concept in contemporary Western historiography

Lennart Samuelson

(Stockholm Institute of Transition Economics, Sweden)

DOI: 10.31857/S086956870005142-7

По мере роста эмпирических данных о сталинской эпохе (благодаря изучению архивных и опубликованных источников) в современной историографии предпринимаются попытки сделать глобальные обобщения относительно важных аспектов советского периода российской истории. Одной из популярных является тема террора и репрессий сталинского режима. По проблеме количества его жертв ещё с начала 1990-х гг. идут дебаты в ведущих американских и британских научных журналах. Участники дискуссии (включая известных кремленологов британца А. Ноуа и австралийца С. Уиткрофта), опираясь на данные демографии, экономики и других дисциплин, привлекая мемуарные свидетельства, пытались определить число людей, которых казнили или сослали (чем обрекли на преждевременную смерть), либо они умерли от вызванного правительственной политикой голода¹.

По мере роста доступности документов российских архивов для западных исследователей их споры становились все более фундированными. В частности Уиткрофт предложил отличать умерших от голода 1932—1933 гг. от тех, кто погиб в ходе позднейших депортаций малых народов. Последних он считал *жертвами преступного безразличия властей* (здесь и далее курсив мой. — Л.С.), желая тем самым провести грань между сталинскими и нацистскими репрессиями, дабы общие сведения о миллионах погибших, введённые к тому времени в научный оборот, не затемняли качественных различий в разновидностях государственного террора².

Американский экономист С. Роузфилд опубликовал статью, в которой скорее запутал, нежели прояснил дискутируемую проблему. Опираясь на новые, казалось бы, заслуживающие доверия архивные данные, он тем не менее отказался от категоризации жертв сталинизма, определив всех пострадавших как жертв *убийства*³. Такой подход не поддержали другие учёные, которые взамен

© 2019 г. Л. Самуэльсон

Перевод Д.Б. Павлова

¹ См.: Nove A. How Many Victims in the 1930s? // Soviet Studies. 1990. Vol. 42. № 2. P. 369—373; Wheatcroft S.G. More Light on the Scale of Repression and Excess Mortality in the Soviet Union in the 1930s // Ibid. P. 355—367. См. также ответ Р. Конквеста «Excess Deaths and Camp Numbers: Some Comments» (Ibid. 1991. Vol. 43. № 5. P. 949—952).

² Wheatcroft S.G. The Scale and Nature of German and Soviet Repression and Mass Killings, 1930—1945 // Europe—Asia Studies. 1996. Vol. 48. № 8. P. 1319—1353.

³ Roseffeld S. Documented Homicides and Excess Deaths: New Insights into the Scale of Killing in the USSR during the 1930s // Communist and Post-Communist Studies. 1997. Vol. 30. № 3. P. 321—331.

представили всё более усложнявшуюся картину причинной обусловленности как фактов голода в СССР, так и мотивов проведения Сталиным и его ближайшим окружением арестов, депортаций и других массовых репрессивных акций.

На фоне углублявшегося анализа сталинского террора американский историк Н. Неймарк, ставя проблему с ног на голову, охарактеризовал перечисленные явления термином, имевшим вполне определённое значение, но требовавшим, с его точки зрения, расширительного толкования. Он полагал, что скрупулёзно изучаемые события, которые в совокупности охватывают сталинский террор 1930—1950-х гг., целесообразно именовать «геноцидом» с возможностью его применения во множественном числе, на что и указывает заглавие его работы⁴. Книгу почти сразу перевели на немецкий, украинский, русский и другие языки. Это обстоятельство более, нежели присущие ему достоинства, заставляет обратиться к анализу исследования Неймарка с его чрезмерно упрощённым и, во всяком случае, дезориентирующим подходом.

Профессор восточноевропейской истории Стэнфордского университета Неймарк был известным исследователем проблем этнического насилия в Европе и советской оккупации Германии в 1945—1949 гг.⁵ Книга «Геноциды Сталина», изданная в серии «Права человека и преступления против человечества» (редактор Э. Вейтц), выглядит как расширенная версия ранее представленной автором аргументации — в юбилейном сборнике, посвящённом Р. Конквесту⁶.

Анализ этой версии лишь укрепил мой скептицизм и относительно отказа Неймарка от сформулированной в Конвенции ООН 1948 г. концепции геноцида, и в плане продуктивности её применения для изучения интересующих нас аспектов советской истории. Исследователь пытается использовать данную концепцию применительно к раскулачиванию (1930—1933), массовому голоду (1932—1933), Большому террору (1937—1938) и депортациям малых народов (1937—1944) в СССР. Обращаясь к мировой истории геноцида, Неймарк всерьёз утверждает, будто уже к началу 1930-х гг. проживавшие в Советском Союзе немцы «были признаны врагами советских людей, обречёнными на депортации и казни»⁷! В его работе о коммунистическом геноциде представлены сходные и столь же ошибочные оценки раскулачивания, основанные не на объективном анализе, а на тенденциозно подобранных фактах.

В одном из интервью Неймарка спросили, почему в заголовок своей книги он поставил *сталинские геноциды* во множественном, а не в единственном числе. «Не думаю, что это важное отличие, — ответил он. — 1930-е годы в целом, массовые убийства этих лет следует рассматривать как единый процесс — серию акций, каждая из которых являлась геноцидом. Любой из этих эпизодов в отдельности — раскулачивание, голод на Украине, преследования асоциальных элементов, высылки поляков, чеченцев, ингушей и украинцев следует считать проявлениями геноцида»⁸.

⁴ Naimark N. *Stalin's Genocides*. Princeton University Press, 2010 (в переводе на рус. яз.: Неймарк Н.М. *Геноциды Сталина*. М., 2012).

⁵ См.: Naimark N. *The Russians in Germany: A History of the Soviet Zone of Occupation, 1945—1949*. Cambridge (MA), 1995; Неймарк Н.М. *Пламя ненависти: Этнические чистки в Европе XX века*. М., 2005.

⁶ *Political Violence: Belief, Behaviour, and Legitimation* / Ed. by P. Hollander. Basingstoke; N.Y., 2008. Мой критический разбор этой статьи Неймарка см.: Samuelson L. *A Pathbreaker: Robert Conquest and Soviet Studies during the Cold War* // *Baltic Worlds*. 2009. Vol. II. № 1. P. 47—51; URL: <http://balticworlds.com/a-pathbreaker-robert-conquest-and-soviet-studies-during-the-cold-war>.

⁷ Naimark N. *Genocide: A World History*. Oxford, 2016. P. 90—91.

⁸ «Killing A People». Interview with Norman M. Naimark // *The Ukrainian Week*. 2011. 16 May (URL: <https://ukrainianweek.com/History/22694>).

Рассматриваемая монография, более похожая на эссе, как и уже упомянутый трактат Неймарка «Всемирная история геноцида», в котором Сталин представлен как *génocidaire* (лицо, ответственное за геноцид), вряд ли привлекут внимание широкого круга читателей в России. К тому же сомнительно, чтобы размытые концепции подобного рода были способны привнести что-либо кроме ещё большей путаницы в изучение причин и последствий сталинского террористического режима.

К числу преступлений «вождя народов» Неймарк относит насильственную коллективизацию, конфискацию имущества и высылку объявленных богатыми крестьян («кулаков»), голод, поразивший многие регионы СССР (в частности, Украину), Большой террор, а также депортации малых народов, именуя все эти акции геноцидом. Тем самым предлагается серьёзная ревизия сложившихся представлений западной историографии, большинство адептов которой отрицают преднамеренный характер физической ликвидации советскими властями групп граждан СССР по признакам их расовой, национальной или религиозной принадлежности.

«Сталинские геноциды» Неймарка подразумевают, что именно таким образом следует толковать некоторые (если не все) хорошо известные и ныне интенсивно изучаемые исторические процессы. В последние годы лишь немногие западные авторы решались утверждать, что череда подобных событий, исключая голод, охвативший Украину в конце 1932 г. — весной 1933 г., может быть охарактеризована как геноцид — в том смысле, как его определила упомянутая Конвенция ООН. В подкрепление такого видения сталинского правления Неймарк рассуждает о противоречивости самой концепции геноцида в её ооновском толковании.

Свою аргументацию историк открывает беглым обзором того, как Конвенция была «искажена» по ходу её обсуждения в профильной комиссии ООН. Вслед за немногими авторами он утверждает, что итоговый документ преднамеренно сузил его применение в отношении виновников массовых убийств лишь по признакам этнической, национальной или религиозной принадлежности, но не по социальным или политическим критериям, как то было задумано изначально. По мнению автора, это произошло под давлением советского руководства. Оно опасалось, что на него в случае более широкого толкования геноцида падёт ответственность за репрессии в отношении собственных граждан, а равно тех народов, которые вошли в состав СССР в начале Второй мировой войны.

Неймарк углубляется в историю работы этой комиссии, в 1946—1948 гг. стремившейся разработать конвенцию, применение которой позволило бы предотвратить повторение массовых убийств типа попыток нацистов истребить европейских евреев. При этом он ссылагается на черновые версии и проекты Конвенции, но лишь на те, что представлены в немногочисленной американской историографии по теме (в том числе в учебниках). Я полагаю, что автору следовало бы тщательно рассмотреть прения экспертов, участников этой комиссии, и не по учебной литературе, достоверность сведений которой разнится, а по первоисточникам. Сегодня это выполнимо и без обращения к архивам. Как пример — отличное документальное издание по данной теме иранца Х. Абтахи и британки Ф. Вебб⁹. На без малого 3 тыс. страниц их книги пред-

⁹ См.: The Genocide Convention: The Travaux Préparatoires / Eds. H. Abtahi, Ph. Webb. Vol. 1—2. Leiden; Boston, 2008.

ставлены протоколы заседаний экспертов-правоведов, усилиями которых 9 декабря 1948 г. Генассамблея созданной всего несколькими годами раньше ООН приняла конвенцию «О предупреждении преступления геноцида и наказании за него». Внимательное изучение опубликованных Абтахи и Вебб документов показывает, что вопреки расхожему и, на мой взгляд, одностороннему мнению, экспертов ООН заботили в первую очередь юридические аспекты геноцида, но не политические (отказ от них будто бы был пролоббирован советским руководством, которое опасалось поплатиться за репрессии в отношении кулачества в 1920-х гг. или депортации народов в конце Второй мировой войны).

Дискуссии относительно формулировок Конвенции ведутся вокруг её финальной версии в качестве якобы уступки прессингу Кремля. В частности, речь идёт об исключении из текста определения таких акций, как подавление *политических группировок*, массовое убийство их участников, а также государственная политика *культурного геноцида* — уничтожения культуры и системы ценностей этносов¹⁰.

Такая критика далеко не нова, но лишь немногие исследователи взяли на себя труд обратиться к первоисточникам и выяснить аргументы, выдвигавшиеся против расширения «поля» применения Конвенции экспертами-правоведами разных стран. Их доводы за или против той или иной редакции документа содержали значительно больше оттенков, чем это принято считать в историографии. Так, советский представитель заявил: «Ошибочно включать политические группировки в число защищаемых Конвенцией о геноциде точно так же, как ошибочно включать политические убеждения в список оснований для совершения преступления геноцида. Преступления, связанные с политической мотивацией, являются преступлениями особого рода и не имеют ничего общего с преступлением геноцида. Само слово “геноцид”, [которое происходит] от слова “ген” — раса, народ, — указывает, что оно относится к уничтожению наций и рас как таковых, как результат расовых и национальных преследований, а не специфических убеждений таких групп людей»¹¹.

Разработка Конвенции проходила в условиях разворачивавшейся холодной войны и усиления информационного противостояния бывших союзников. Пропаганда Коммунистического информбюро (Коминформ явился перелицовкой распущенного в 1943 г. III Интернационала), адресованная народам британских колоний, была воспринята на Западе как широкомасштабная акция, направленная на подрыв «свободного мира». В ответ Лондон создал центр антикоммунистической пропаганды и всемирную сеть для распространения соответствующей литературы¹².

Стоило британской делегации в ООН в те же годы инициировать международное расследование использования принудительного труда, делавшее акцент

¹⁰ Типичный пример аргументации подобного рода представлен в недавней работе американки Э. Эпплбаум (*Applebaum A. Red Famine: Stalin's War on Ukraine. N.Y., 2017. P. 347—351*). При этом она признаёт, что дефиниция геноцида в упомянутой Конвенции ООН «с точки зрения международного права не даёт оснований классифицировать голод на Украине, как и любое другое преступление Советов, в качестве геноцида». Это, по её мнению не удивительно, если принять в расчёт, что «Советский Союз поспособствовал появлению таких формулировок, *которые не дали бы возможности... классифицировать советские преступления как геноцид*» (*Ibid. P. 350*). Однако многочисленные протоколы соответствующих дискуссий в ООН, опубликованные Абтахи и Вебб, показывают беспочвенность подобных утверждений.

¹¹ The Genocide Convention... Vol. 1. P. 1060.

¹² Подробнее см.: *Defty A. Britain, America and Anti-Communist Propaganda 1945—1953: The Information Research Department. L., 2004.*

на не всегда документально подтверждённом, но якобы его широком применении в СССР, как коммунистическая пресса наполнилась статьями, осуждавшими рабские условия труда туземцев некоторых британских колоний. Поэтому неудивительно, что советские делегаты потребовали, чтобы Конвенция о геноциде стала равно обязательной и для *зависимых территорий*, и для суверенных государств. Они также настаивали на внесении в документ поправки в духе предложенного Р. Лемкиным ещё в 1933 г. понятия *культурный геноцид*. Британские представители решительно выступили против обоих советских предложений из опасения (основательного или нет), что в такой редакции Конвенция может быть использована против интересов Соединённого Королевства¹³.

От трудов, подобных работе профессора Неймарка читатель вправе ожидать полноценного описания исторической подоплёки изучаемых им событий. Как ни странно, историк, снова и снова сетуя на успешное лоббирование Советами полного или частичного невключения в текст Конвенции 1948 г. упоминаний о политических группах и социальных страдах, забывает сообщить один важный факт. Принятие данного документа вызвало появление множества книг, обвинявших не только сталинский Советский Союз, но и США *в геноциде в более широком смысле, чем это было сформулировано в Конвенции ООН*.

В 1949 г. К. Пелекис опубликовал работу «Геноцид: тройная трагедия Литвы» (*Genocide: Lithuania's Threefold Tragedy*), годом позже Верховный комитет освобождения Литвы (*Vyriausias Lietuvos Islaisvinimo Komitetas*) направил в ООН воззвание «О геноциде». В 1950 г. эстонское информбюро в Стокгольме напечатало статью А. Каэласа «Права человека и геноцид», где имелись ссылки на высказывания, прозвучавшие на Генассамблее ООН в сентябре того же года. Вскоре из печати вышла книга А. Кальме «Тотальный террор. Отчёт о геноциде в странах Балтии» (*Total Terror: An Exposé of Genocide in the Baltics*), а чуть позже — работа А. Швабе «Геноцид в государствах Прибалтики» (издание Латвийского национального фонда в Скандинавии, 1952 г.). В 1951 г. Венгерский комитет в изгнании (*Magyar Bizottság*) в своём издании «Геноцид путём депортации» (*Genocide by Deportation*) призвал ООН, ссылаясь на ту же Конвенцию, обеспечить её выполнение.

В перечисленных трудах речь шла о включённых в состав СССР государствах и народах либо о советизированных восточноевропейских. Но вскоре вышла и литература, посвящённая проблеме геноцида в самом Советском Союзе. Начальный этап холодной войны явился временем появления массы книг, основанных на сведениях бежавших на Запад поляков и граждан других стран «народной демократии», по теме советских лагерей, рабский труд в которых объявлялся причиной смерти миллионов невинных. О том же говорилось в работе бывшего советского инженера В. Кравченко «Я выбираю свободу», в 1947—1949 гг. ставшей бестселлером в США, Франции и Швеции. Ю. Лайонс (*Eu. Lyons*), «отредактировавший» текст Кравченко (переизданный в журнале «*Reader's Digest*»), намекал, что лагеря смерти обеспечили советскую военную промышленность 15—20 млн рабов. Схожие оценки советских трудовых лагерей содержат работы А. Херлинга «Советская империя рабов» (1951) и Г. Винатрела «Советские концлагеря: принудительная работа в советской России» (1950). В странах Южной Америки широко распространялась брошюра К. Веракса (псевдоним Казимира-са Кибираса) «Империя геноцида: депортации и рабство в мире Советов» (1954).

¹³ Подробнее о позиции британских делегатов см.: *Smith K. Genocide and the Europeans. Cambridge, 2010. P. 32—39.*

В литературе эпохи холодной войны были представлены разнообразные сюжеты, например, связанные с советской аннексией стран Балтии в начале 1940-х гг. Ещё один достойный упоминания предшественник Неймарка — А. Авторханов (псевдоним «Уралов») в 1952 г. издал книгу о гонениях на чеченцев¹⁴. Хотя он не располагал точными сведениями о последствиях депортации чеченцев и ингушей в 1944 г., тем не менее охарактеризовал эту акцию как преднамеренное «народоубийство», т.е. геноцид. Как ни странно, Неймарк не счёл нужным упомянуть как эти работы, так и содержательный сборник статей, подготовленный в мюнхенском Институте изучения истории и культуры СССР, известном эмигрантском центре времён холодной войны¹⁵.

В 1958 г. Н. Декер и А. Лебедь подготовили и издали книгу «Геноцид в СССР: исследование массового истребления», посвящённую (с учётом той же Конвенции ООН 1948 г.) проблеме уничтожения в Стране Советов «бывших» — представителей аристократии, буржуазии, купечества, бюрократии, а также зажиточных крестьян. Здесь также отмечалось: «Учитывая, что голод 1932—1933 гг. *был вызван искусственно* и оказался направлен против определённого социального слоя — крестьянства — *этот голод может быть охарактеризован только как пример социального геноцида*»¹⁶. К слову сказать, число жертв и раскулачивания, и голода авторы книги оценили примерно одинаково — по 6 млн человек в каждом случае.

Хотя историография периода холодной войны не вполне уместно фокусировалась на *количественной* стороне сталинских репрессий, именно в те годы были заложены основы современных дискуссий по концептуальным вопросам. Следует также отметить, что принятие Конвенции ООН о геноциде равным образом подтолкнуло американских активистов к исследованию исторической и текущей политики по отношению к чернокожему населению США. В брошюре «Мы обвиняем геноцид» (1951) положение дел с афроамериканцами было заклеено именно таким образом. В предисловии к её новому изданию читаем: «Эта петиция исторической важности впервые была явлена миру в 1951 г. Адресованная ООН, она была направлена в парижский дворец Шайо, где тогда проходила Пятая сессия её Генассамблеи. Одновременно делегация во главе с Полом Робсоном представила её копию в Секретариат ООН в Нью-Йорке. Мы преследовали две цели: разоблачить природу и глубину расизма в Соединённых Штатах и пробудить нравственное сознание прогрессивного человечества против антигуманного обращения американской политической элиты с чернокожими гражданами. Петиция призвала ООН обратить внимание на то, что даже поверхностная экспертиза выявит дикую расистскую политику городских властей, властей штатов и федерального правительства в отношении чернокожего населения США... Петиция провозгласила правительственный расизм преступным, являющимся вопиющим нарушением Устава ООН, Декларации прав человека и особенно Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказания за него, а также Конституции США»¹⁷.

¹⁴ Uralov A. Народоубийство в СССР: убийство чеченского народа. Мюнхен, 1952.

¹⁵ Подробнее об этом институте см.: Попов А.В. Мюнхенский институт по изучению истории и культуры СССР и вторая волна эмиграции // История российского зарубежья. Эмиграция из СССР—России, 1941—2001 гг. М., 2007. С. 118—133.

¹⁶ Зеркалов М. Социальные группы // Геноцид в СССР: исследование массового истребления. Мюнхен, 1958. С. 238.

¹⁷ We Charge Genocide: The Historic Petition to the United Nations for Relief from a Crime of the United States Government against the Negro People. N.Y., 1970; Foreword by William L. Patterson to

Вероятно, Неймарк считает само собой разумеющимся, что его читателям известно о ратификации Вашингтоном Конвенции о геноциде лишь спустя 40 лет после её принятия и не без причины. В США она вступила в законную силу в 1988 г. и только по выполнению ряда «условий», предусмотренных «суверенным пакетом Лугра—Хелмса—Хэтча», который, по имеющимся оценкам, ещё более смягчал и без того приглаженный текст документа. Л. Леблан показал, что ожесточённые прения и противодействие Конвенции были вызваны тем, что она может стать инструментом афроамериканцев и индейцев в попытке привлечь американские власти к ответственности за геноцид в межрасовых отношениях, т.е. будет использована *внутри страны*¹⁸.

Не будет преувеличением сказать, что на протяжении большей части холодной войны западные кремленологи принимали точку зрения, согласно которой сталинский террор, репрессии и лишения, сопровождавшие принудительный труд или ссылку, в совокупности сводились к беспрецедентному по масштабам геноциду. Например, профессор С. Коэн в побуждающей к размышлениям работе «Переосмысление советского опыта» писал: «Миллионы ни в чём не повинных мужчин, женщин и детей были подвергнуты необоснованным арестам, пыткам, казнены, зверски депортированы или заключены в тюрьмы и лагеря принудительного труда Архипелага ГУЛАГ... Ещё никому не удалось выяснить точное число аномальных смертей при Сталине. Самая скромная оценка составляет двадцать миллионов. Судя по количеству жертв и оставляя в стороне важные различия между двумя режимами, можно сказать, что сталинский холокост превзошёл гитлеровский»¹⁹.

Когда другие выступали против сравнения сталинизма с нацизмом, утверждая, что это ведёт к размыванию понятия «Холокост», Коэн, очевидно, не видел в этом проблемы. Дело в том, что он опирался на количественные данные о его жертвах (как выяснилось позже, далеко не точные²⁰), а очевидная системность сталинского террора в «мейнстримовской» западной литературе была перенасыщена упоминаниями о лагерях смерти и массовых казнях в СССР. Достаточно сказать, что Конквест в книге о печально знаменитых советских дальневосточных лагерях на Колыме утверждал, что их изначальным предназначением являлась вовсе не добыча золота, а систематическое уничтожение заключённых в масштабе, сопоставимом с пресловутым гитлеровским «окончательным решением еврейского вопроса». Историк полагал (как потом выяснилось, ошибочно), что из примерно 3,5 млн человек, отправленных в Магадан в конце 1930-х — начале 1950-х гг., погибли не менее 3 млн. Эти цифры,

New Edition (URL: <https://www.questia.com/read/9685716/we-charge-genocide-the-historic-petition-to-the-united>; <https://www.blackpast.org/global-african-history/primary-documents-global-african-history/we-charge-genocide-historic-petition-united-nations-relief-crime-united-states-government-against/>).

¹⁸ LeBlanc L.J. The United States and the Genocide Convention. Durham, 1991.

¹⁹ Cohen C.F. Rethinking the Soviet Experience: Politics & History since 1987. Oxford, 1985. P. 94. Часто приводимые в литературе «скромные» цифры Р. Конквеста — 12 млн жертв ГУЛАГа и 8 млн — Большого террора и депортаций (Conquest R. The Great Terror. L., 1968. P. 525) — считались более или менее «приемлемыми» вплоть до появления статей В. Земскова о ГУЛАГе и «мемориальцев» Н. Петрова, А. Рогинского и их коллег о Большом терроре.

²⁰ В одной из последующих работ С. Коэн признал ошибочность своих прежних оценок такого рода, выразив при этом признательность С. Уиткрофту и другим исследователям. См.: Cohen C.F. Soviet Fates and Lost Alternatives from Stalinism to the New Cold War. N.Y., 2009. P. 213 (сноска 25).

навеянные ужасающими свидетельствами выживших узников, поляков и немцев, рецензенты книги Конквеста поставили под сомнение²¹.

В свете приведённых мной прецедентов в научной литературе аналогичного отношения к сталинскому террору как к геноциду Неймарку следовало оперировать гораздо более основательными аргументами. Ему надлежало бы удостовериться, какие оценки его предшественников выдержали испытание временем. С другой стороны, если бы Неймарк ознакомился со стенограммами обсуждения юристами проекта Конвенции о геноциде в ООН, то не принял бы столь же безоговорочно тезис о том, что лишь противодействие Советского Союза той или иной формулировке сделало итоговую версию документа отличной от предложенной в конце Второй мировой войны Лемкиным и др.

Между тем Неймарк настаивает, что сегодня, спустя почти 30 лет после распада СССР и по прошествии хорошо известных событий в бывшей Югославии и Судане, концепция геноцида по-прежнему применима в более широком смысле, — именно для того, чтобы *понять и объяснить* перечисленные события. Думается, подобный взгляд приведёт к тому, что любая заинтересованная сторона сможет выдвигать собственные толкования этого термина, который станет субъективно-оценочным вопреки стремлениям юристов придерживаться строгого и непротиворечивого понятийного аппарата. Предложенное Неймарком расширительное толкование понятия «геноцид» позволит подвести под него факты преднамеренных массовых убийств политических оппонентов. В этом случае неизбежен пересмотр оценок деятельности некоторых крупных исторических фигур, которые вслед за большевистским лидером перейдут в разряд *génocidaires*. Прецеденты спорного, расширенного применения терминов имеются: П. Престон в работе, посвящённой гражданской войне в Испании (1936—1939), при описании массовых расстрелов социалистов, анархистов и коммунистов в первые годы правления Ф. Франко, применяет термин «Холокост»²².

Следуя логике Неймарка, к *génocidaires* также можно отнести финского маршала К.Г. Маннергейма — за преследование социалистов и коммунистов во время Гражданской войны 1918 г., а также индонезийского генерала Х.М. Сухарто — за уничтожение сотен тысяч коммунистов в 1965 г.²³ Это лишь наиболее очевидные политические убийства из множества других, которые благодаря терминологическим экспериментам американского исследователя могут быть включены в разряд актов *геноцида*.

В заключение — о затруднениях, с которыми сталкиваются историки в использовании юридических терминов или концепций. Если исходить из того, что все мы стремимся к объективности оценок, ясности изложения и логике аргументации, становится очевидной необходимость оперировать понятными

²¹ *Conquest R.* Kolyma: The Arctic Death Camps. N.Y., 1978. Первым западным исследователем этой проблемы, обратившимся к архивным данным, стал Д. Нордландер. См. его PhD диссертацию (*Nordlander D.* Capital of the Gulag: Magadan in the Early Stalin Era, 1929—1941. University of North Carolina, 1997) и статью (*Nordlander D.* Origins of a Gulag Capital: Magadan and Stalinist Control in the Early 1930s // *Slavic Review*. 1998. Vol. 57. № 4. P. 791—812). М. Боллингер представил анализ допущенных Конквестом неточностей, а также более реалистичные количественные оценки сталинских лагерных «контингентов» и уровня их смертности (*Bollinger M.J.* Stalin's Slave Ships: Kolyma, the Gulag Fleet, and the Role of the West. Westport, 2003).

²² См.: *Preston P.* The Spanish Holocaust: Inquisition and Extermination in Twentieth-Century Spain. N.Y., 2012.

²³ Подробнее об этом см.: *Roselius A.* Teloittajien jäljillä: valkoisten väkivalta Sumoen sisällissodassa. Helsinki, 2007; *Roosa J.* Pretext for Mass Murder: The September 30th Movement and Suharto's Coup d'état in Indonesia. Madison, 2006.

терминами. Иначе научная полемика неизбежно превращается в хаос, как, например, в случае, если её участники используют несколько *дефиниций* понятия «геноцид». В своей уже упомянутой и высоко оценённой работе «Red Famine...» Эпплбаум приводит несколько причин, по которым «голодомор» не отвечает критериям геноцида в его ооновском понимании. Многие читатели приняли это за чистую монету. И вот уже знаменитая Ш. Фицпатрик на страницах «Гардиан» в положительной рецензии пишет, что Эпплбаум «ни в коем случае не принимает на веру “украинскую” оценку», согласно которой «голодомор явился актом геноцида»²⁴. В ответ на своей странице в Facebook Эпплбаум сообщила, что имела в виду «прямо противоположное»: «С моей точки зрения, голод совершенно подпадает под понятие геноцида по терминологии юриста Рафаэля Лемкина»²⁵. Это уточнение Эпплбаум побудило Фицпатрик в том же Facebook «отозвать свою похвалу её книге»!

Таким образом, очевидно, что до тех пор, пока не будет выработан единый стандарт в толковании того или иного термина, обсуждение крупных исторических проблем рискует превратиться в бессмысленный обмен крайними суждениями. Жаркие дискуссии на этот счёт в блогосфере подтолкнули редакцию журнала «Contemporary European History» провести «круглый стол», посвящённый советскому голоду как явлению²⁶. Остаётся надеяться, что в совокупности статьи Н. Неймарка, Н. Пианчиола, Т. Пентер, А. Гетти, А. Эткина, С. Кameron, С. Уиткрофта и Р. Суни помогут ответить на вопросы, касающиеся важных аспектов советской истории, в частности, как характеризовать политику репрессий и отделить заявления идеологического и политического свойства от причинной обусловленности событий такого рода.

²⁴ The Guardian. 2017. 25 August (URL: <https://www.theguardian.com/books/2017/aug/25/red-famine-stalins-war-on-ukraine-anne-applebaum-review>).

²⁵ URL: <https://www.facebook.com/anneapplebaumwp/posts/as-an-author-who-also-writes-reviews-i-generally-try-to-avoid-responding-to-revi/704110623118513>.

²⁶ URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/contemporary-european-history/article/soviet-famines/E69466C419B4E1575EE3F42F72E38767>.